

«Перестать пинать мертвую лошадь примордиализма»: актуальные повестки дня в конструктивистских исследованиях этничности¹

Евгений Варшавер

Руководитель Группы исследований миграции и этничности, старший научный сотрудник, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».
Адрес: пр-т Вернадского, 82, Москва, Российская Федерация, 119571
E-mail: varshavere@gmail.com

В статье описывается положение дел в современных конструктивистских исследованиях этничности. Возникнув в 1960-х в антропологии под влиянием социологических конструктивистских теорий, эти исследования долгое время находились в диалоге с, по сути, сконструированными ими «примордиализмом» и «эссенциализмом». Этот диалог, однако, по многим причинам исчерпал себя, и направление встало перед необходимостью переосмыслить повестку дня. Попытки такого переосмысления были предприняты в ходе двух масштабных проектов 2000–2010-х годов, связанных с именами Андреаса Виммера и Канчан Чандры, однако каждый из них не является оптимальным в том, что касается возможностей созданного в их рамках теоретического языка. Вторая часть статьи посвящена описанию авторской исследовательской программы, предполагающей создание альтернативной версии языка для конструктивистских исследований этничности. Особое внимание в этой исследовательской программе уделяется смыслам, связанным с этническими категориями, их динамике и социальным последствиям. Возможности языка демонстрируются на двух примерах, взятых из исследовательской практики автора. В резюме указываются ограничения языка, а также намечаются пути для дальнейшей работы.

Ключевые слова: этничность, конструктивизм, теория, Виммер, Чандра, Брубекер, категории

Современные конструктивистские исследования этничности сталкиваются с рядом важных и сложных коллизий. Триумфально победив специально для этой цели концептуализированные «примордиализм» и «эссенциализм»² и показав, что этничность динамична, конструируется в ходе взаимодействий между людьми и структурируется вокруг этнических категорий в языке, эта область, однако, оказалась в ситуации, когда, с одной стороны, далеко не вся академия, не говоря

1. Статья подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда (проект РНФ № 22-78-10038) «Когда мигранты становятся местными? Представления об интеграции мигрантов, распространенные среди представителей принимающего общества».

2. В этой статье, как и в работах, на которых она базируется, несмотря на различия в семантике (примордиализм указывает на древность и внеисторичность этнических групп, а эссенциализм исходит из вешности этих групп и относится к ним как к акторам), эти термины используются синонимично. Это связано и с одним из защищаемых в статье тезисов, согласно которому эссенциализм и примордиализм это не в полной мере научные подходы, а скорее неотрефлексированные установки ученых, которые занимаются этническими вопросами, в результате чего в научной практике эти установки идут рука об руку, а конструктивизм борется одновременно с обоими.

об общественно-политической сфере, в языковом и содержательном смысле перешла на конструктивистские рельсы, а с другой — в результате этой победы — в некотором роде потеряла смысл существования. И хотя исследования на базе конструктивизма производятся на постоянной основе, на уровне общей повестки дня конструктивисты, по замечанию одного из теоретиков области, продолжают «пинать мертвую лошадь примордиализма» (Wimmer, 2013b: 2), не продвигаясь вперед. В последнее десятилетие эта проблема оказалась в фокусе рефлексии, и стали появляться большие проекты, цель которых состояла в создании общего теоретического языка для описания этнических явлений и разработке теоретических моделей, призванных объяснить функционирование этничности *per se*. Эти языки и модели, впрочем, являются своего рода «пробой пера» и имеют существенные изъяны. В этой статье производится попытка — учитывая недостатки указанных проектов и отсутствие полноценной и консистентной терминологической сетки, позволяющей работать с этническими феноменами через призму конструктивизма — предложить остов лаконичного и простого теоретического языка, на основании которого возможно осуществлять теоретическое моделирование, описывать кейсы, а также объяснять явления. Для этого сначала производится реконструкция традиции конструктивистских исследований этничности — указывается, в ответ на какие вызовы они появились, анализируются основные вехи становления области знания и фиксируются существующие в настоящий момент теоретические лакуны, затем дается описание основных элементов теоретического языка в связи друг с другом, а его возможности демонстрируются на материале двух полевых сюжетов. В резюме — указываются ограничения этого языка и предлагаются направления для дальнейшей — многоаспектной — работы по развитию конструктивистской повестки дня.

Конструктивистские исследования этничности: (ре)конструируя традицию

Конструктивистские исследования этничности — это подход, сформировавшийся после Второй мировой войны в антропологии как рефлексия над «грубым» теоретическим языком и методологическими подходами довоенной науки. Основным его инструментом стала особая социологическая оптика — конструктивизм, ключевым постулатом которого было утверждение, что социальные явления постоянно «пересобираются» в ходе взаимодействий между людьми. Этот тезис послевоенные антропологи использовали прежде всего для критики взгляда, позже получившего название «эссенциализм» или «примордиализм» и заявлявшего, что «племена», «народы» и «этнические группы» реально существуют и являются основным объектом анализа. Тезис тех, кого позже назовут конструктивистами, состоял в том, что этнические явления — как и прочие социальные явления — это представления, разделяемые людьми, а значит, не существует «племен» и «народов» как отдельного класса явлений, и, как следствие, не они должны исследовать-

ся. Но что должно тогда оказаться в исследовательском фокусе и каков желаемый результат перехода к конструктивизму в исследованиях этничности? Удивительным образом после более чем полувека триумфального шествия по аудиториям лучших научных центров и учебных заведений мира конструктивизм в исследованиях этничности едва ли сформулировал повестку дня иную, нежели показать, что, вопреки эссенциалистскому взгляду на мир, «народы» и «этнические группы» — это фантомы коллективного сознания. И потому последнее время все чаще ставится вопрос о новых целях конструктивистской науки об этничности.

Ниже сначала будет кратко описана «классическая» история конструктивизма в исследованиях этничности, затем — реконструированы две влиятельные исследовательские программы, возникшие сравнительно недавно. Лакуны и недостатки этих программ стали отправным пунктом авторской исследовательской программы, которой посвящена вторая часть статьи.

Быстрота и эффективность послевоенной рецепции социологического конструктивизма антропологией связана с тем, что последняя на тот момент находилась в кризисе и, по сути, потеряла объект исследования. Дело в том, что на ранних этапах становления институциональной антропологии как полевыми, так и кабинетными антропологами объект исследования этой науки специальным образом не рефлексировался, поскольку и так сразу же бросалось в глаза отличие «туземцев» от «цивилизованных людей». «Туземцев» и следовало изучать. Человеческие коллективы, в которых жили «туземцы», назывались «племена». В рамках сформировавшегося к середине XIX века эволюционизма, кроме того, эти «племена» рассматривались как социальные формы, предшествовавшие складывавшимся на тот момент европейским нациям. По мере развития и профессионализации антропологии, однако, становилось понятно, что антропологический материал крайне разнообразен, и «племена», которые постепенно — в статьях и книгах — стали называться «этнические группы», различаются между собой по количеству членов в сотни и даже тысячи раз и далеко не всегда имеют четко очерченные границы членства. Самая же большая проблема состояла в невозможности выделить единственный, воспроизводящийся от контекста к контексту, признак, определяющий такие группы. Язык? Общность хозяйственной жизни? Наименование? Общность территории? Эти и другие признаки причудливым образом комбинировались от контекста к контексту, и всегда находились исключения, в рамках которых люди, называвшиеся одинаково, не вели совместное хозяйство и не жили на одной территории, а называвшиеся по-разному говорили на одном языке и так далее. Становилось понятно, что для того, чтобы продвинуться вперед, нужно принципиально изменить подход, однако сделать изнутри дисциплины это было невозможно. И тогда антропологи обратились за теоретическими ресурсами к социологии, прежде всего к социальному конструктивизму.

Встреча классической антропологии и социологических конструктивистских исследований происходит в 1969 году с выходом в свет известного сборника статей «Этнические группы и границы: о социальной организации культурных различий»

под редакцией Ф. Барта (Barth, 1969a). Написанное им введение (Barth, 1969b) стало классикой конструктивистских исследований этничности. Современная антропология, пишет Барт, определяет в качестве объекта «этнические группы» и обычно рассматривает их как своего рода «контейнеры» для «культуры», которые складываются в результате адаптации к окружающей, прежде всего природной, среде. Между тем, продолжает Барт, ссылаясь на социолога-конструктивиста Э. Гофмана (Гофман, 2000), «культура» групп в значительной степени формируется во взаимодействии с другими «этническими группами». В ходе этого взаимодействия устанавливаются и поддерживаются принципы, согласно которым люди определяются как члены той или иной группы, а также складываются правила взаимодействия между разными людьми в связи с этим членством. Совокупность этих принципов и правил Барт и назвал «этнической границей», понимая ее, таким образом, не пространственно, а прежде всего социально и даже социологически, поскольку граница, согласно его концептуализации, не привязана к конкретным индивидам. В некоторых обстоятельствах они могут «переходить границу», т. е. менять категорию принадлежности, но сама граница — категории и правила, с ними связанные — продолжит существовать. Фокусировка на таких «переходах» — важный методологический ход, предпринятый Бартом с коллегами, и демонстрации того, как это возможно, посвящено несколько статей сборника. В частности, сам Барт (Barth, 1969c) рассказывает, в каких обстоятельствах горделивые пуштуны, живущие в окружении белуджи, для того, чтобы не прослыть среди прочих пуштунов оппортунистами, перестают определять себя в качестве пуштунов и — для себя и остальных — становятся белуджи, а коллега Барта по Бергенскому университету Гуннар Холанд (Haaland, 1969) описывает, как в Судане земледельцы фуры, сталкиваясь с необходимостью инвестировать излишки зерна в скот, а затем и выпасать его, в связи с тем, что этническая категоризация на описываемой территории привязана к занятиям, перестают считаться фуры и становятся кочевниками-багарра. Таким образом, именно Барт эксплицитно синтезировал социологические конструктивистские исследования и современную ему антропологию, а сборник под его редакцией стал знаковым в части перехода от изучения «групп» и их «культуры» к изучению категорий и разнообразия смыслов, с этими категориями связанных.

Упомянутый сборник статей — это своего рода символ «конструктивистской революции» в исследованиях этнических явлений, но, как и прочие научные революции, эта не произошла в одночасье, а ее постфактум описание неизбежно будет крайне грубым обобщением. В конечном счете конструктивистские по духу работы публиковались и до Барта, при этом писались они как на классическом антропологическом материале (Mitchell, 1956), так и на материале, с которым обычно работали социологи (Drake, Cayton, 1945). Осложняет описание традиции и то, что развитие конструктивистского языка происходило нелинейно, а слова из конструктивистского лексикона нередко использовались и до сих пор используются в работах, к конструктивизму не имевших никакого отношения. Более того,

вопреки расхожему мнению, согласно которому слово «этничность» — в форме существительного — это своего рода лейбл для конструктивистских исследований, далеко не всегда работы, в которых употребляется слово «этничность» — конструктивистские, равно как не всегда в конструктивистских работах это слово вообще употребляется. Достаточно сказать, что Барт его не использует и выражается вполне «эссенциалистски».

Одновременно, в том же 1969 году, выходит работа за авторством Абнера Коэна «Традиции и политика в африканских городах» (Cohen, 1969), где слово «этничность» становится термином, призванным описать явления, которые затем окажутся в традиционном фокусе конструктивистского анализа. Коэн указывает, что этничность — это «вражда между <...> этническими группами, в ходе которой люди подчеркивают свою идентичность и исключительность» (Cohen, 1969: 4), но тут же пишет, что, хотя это слово широко используется в социологии, оно не является четко определенным (Cohen, 1969: 3). Более того, скорее всего уже тогда оно начинает активно использоваться и вне академии, где означает не взаимодействие, построенное на идентичности, как у Коэна, а то, что раньше означало слово «раса» (Banks, 1996: 162). В результате повседневные описания этнической реальности оказались несколько «конструктивизированы», но произошло это за счет маргинализации непосредственно конструктивистских значений слова «этничность» и возможностей его терминологического использования.

В течение следующих нескольких десятилетий развивалась конструктивистская социальная теория, иногда использовавшая этнические сюжеты в качестве материала для иллюстрации теоретических ходов (Bourdieu, 1991: 220-251), перечитывалась (Jackson, 1982) классика (Вебер, 2017: 68-82) в поисках конструктивистских пониманий этнических явлений, осуществлялось теоретическое осмысление этнического, все больше тяготеющее к конструктивизму (Van den Berghe, 1987), проводились эмпирические конструктивистские исследования в областях, связанных (Nagel, 1994; Pollis, 1996) и не связанных (Lorber, Farrell, 1991) с этничностью, а также на границе этих областей. Если говорить про подобные — тематически смежные — исследования, знаковым можно считать 1983 год, когда одна за другой публикуются ставшие классическими книги, посвященные национализму (Gellner, 1983; Anderson, 1983; Hobsbawm, Ranger, 1983), в совокупности, вероятно, производившие большое впечатление на читателей, и вряд ли их конструктивистский драйв мог не впечатлить тех, кто эксплицитно занимался этничностью. В таком — довольно аморфном — виде исследования этничности подошли к следующему важному моменту, связанному с публикацией в 2002 году статьи «Этничность без групп» Роджерса Брубекера (Brubaker, 2002).

Для того чтобы понять революционность этой статьи, а затем и одноименной книги (Brubaker, 2004), нужно вернуться к вопросу об объекте исследований этнических явлений. Уже влиятельная на тот момент конструктивистская традиция демонстрирует, что «племена», «этнические группы» и «нации» являются продуктами воображения и взаимодействия между людьми, закрепленными в институ-

тах и практиках. Однако возникает вопрос — что именно должно оказаться в непосредственном фокусе внимания исследований. Следует продолжить изучать эти — по-разному называемые — человеческие коллективы, но уже в качестве конструкторов? Но не столкнутся ли тогда исследователи с тем, что вместе с обывателем, представления которого их исследования призваны деконструировать, они окажутся в плену этой воображенной реальности и, понимая сконструированность их природы, тем не менее не будут иметь в своем распоряжении рычага для анализа этих представлений? Или следует сместить фокус? Если да, то на что? Большинство исследователей-конструктивистов нерелексивно шли по первому пути. В качестве примера можно привести влиятельную книгу Дональда Горовица (Horowitz, 1985), обладающую мощным конструктивистским драйвом, однако называющуюся «по-эссенциалистски» — «Этнические группы в конфликте».

Брубекер предложил «отвязать» идею этничности от идеи группы и отказаться от изучения этнических групп и взаимодействия между ними. Каким образом это можно сделать? За счет перемещения фокуса исследования на этнические категории, а также посредством рассмотрения организационного и — шире — институционального контекста взаимодействий, в ходе которых категории осмысляются и заставляют людей действовать тем или иным образом. С помощью этой работы конструктивисты смогли оторваться от довлевшего «группистского» (классический термин Брубекера) языка, а кроме того, стало понятно, что именно нужно изучать для того, чтобы объект исследования был нужным образом описан. Вместе с тем статья оставила ряд вопросов, среди которых — что этот новый теоретический язык (а точнее, его набросок) дает в части понимания социальных процессов, а также что именно является новым объектом изучения? Этничность? Конструирование? Категории? Организации? Коммуникация? Все это вместе? На вопрос о прагматике Брубекер отвечает (пусть и немного исподволь) и, в частности, указывает на то, что, например, переописание этнических конфликтов не как конфликтов между этническими группами, а как конфликтов между организациями, с разной степенью успешности мобилизующими население, которое, в свою очередь, в той или иной степени идентифицирует себя с теми или иными этническими категориями, и — в связи с этим или с другими факторами — в разной степени мобилизуется, позволяет увидеть рычаги воздействия на ситуацию и в конечном счете решить конфликт. Однако вопрос о новом объекте, по сути, остается подвешен, равно как Брубекер не предлагает ни конкретных теоретических схем, ни эмпирических ходов для анализа этнических явлений. Продвижения в этом направлении были осуществлены в рамках двух крупных посвященных этничности «пост-брубекерианских» проектов, связанных с именами Андреаса Виммера и Канчан Чандры.

В проекте Виммера работа строилась вокруг метафоры «этническая граница», заимствованной у Барта, от «Этнических групп и границ» которого, равно как и от «Этничности без групп» Брубекера, он отталкивается. Этот проект носит широкий компаративный характер, и замысел автора состоит в том, чтобы «пере-

стать пинать мертвую лошадь примордиализма» (Wimmer, 2013b: 2), упорядочить конструктивистские представления и интегрировать их в универсальную теоретическую схему и понятную эмпирическую повестку дня. Для этого он публикует несколько теоретических работ (Wimmer, 2008a, 2008b, 2009) и эмпирических исследований (Wimmer, 2004, 2010), призванных создать всеобъемлющее концептуальное полотно, а также показать, как некоторые его элементы могут быть исследованы. В 2012 году эти статьи выходят в качестве подытоживающей книги «Производство этнических границ: институты, власть, сети» (Wimmer, 2013b). Основная идея Виммера состоит в том, что границы имеют два аспекта — категориальный и социальный. Категориальный завязан на социальные классификации и коллективные репрезентации, социальный — на разделении социального мира на своих и чужих, а также на поведенческие скрипты, которые следуют из этого разделения. Эти два аспекта границ связаны между собой. В эмпирических исследованиях категориальный аспект изучается прежде всего посредством разных методов работы с языком (из которых самый очевидный это интервью), а социальный — посредством сетевого анализа. Продвигаясь от описания реальности к ее объяснению, Виммер предлагает сложную многоуровневую схему, основная цель создания которой — объяснить конструкцию границ, а также их стабильность или изменчивость. В этой схеме выделяется три уровня — институциональный, сетевой и индивидуальный. Основная идея состоит в том, что выбор стратегий «производства этнических границ» (термин Виммера, по-английски «ethnic boundary making») акторами осуществляется в связи с «правилами игры» разного радиуса действия, и если «национальные государства» как общая рамка для изменения этнических границ — это недавняя, но почти универсальная реальность, то, скажем, степень сетевой закрытости тех или иных меньшинств, а также характеристики распределения благ, с этой закрытостью сопряженные, это институциональный фактор гораздо более «дробный», различающийся от контекста к контексту и по-разному влияющий на идентификацию с теми или иными категориями, а также на выбор друзей, партнеров по бизнесу и супругов. В статье и соответствующей главе книги (Wimmer, 2013a), посвященной эмпирическому исследованию категорий как аспекта границ, Виммер показывает, как, изучая дискурс о мигрантах в швейцарских городах, можно выяснить, что не номинальные «этнические» категории руководят представлениями и группировкой, а представление о том, что есть «укорененные» и «новые», и что первые — соблюдают порядок, вторые же — его нарушают. В категорию «укорененных» при этом попадают швейцарцы, а также «старые» мигранты из Испании, «новички» — это недавние мигранты из Турции и Африки. В другой эмпирической работе (Wimmer, Lewis, 2013) в фокусе оказываются дружбы студентов одного американского колледжа в том виде, в каком они предстают в фейсбуке, а точнее, согласно этому исследованию, друзья — это те, кто отмечает друг друга на фотографиях. Основной целью этого исследования было отделить номинальную принадлежность к тем или иным категориям от фактических оснований для дружбы, и соответствующие

сетевые статистические модели позволили это сделать. Было показано, что, если черные часто дружат друг с другом только на основании цвета кожи, азиаты так поступают реже и дружба между ними гораздо чаще складывается на основании страны происхождения или в связи с прочими факторами, к которым может относиться, например, направление обучения, музыкальные предпочтения или опыт учебы в престижных колледжах. Что же касается белых — цвет кожи в их случае основанием для дружбы не является никогда, и в каждом случае следует искать «дополнительный» фактор, объясняющий связь между двумя белыми. Проект Виммера — это важная попытка создания, во-первых, нового консистентного языка описания этнической реальности, во-вторых, моделей для ее объяснения, в-третьих, конкретных сложных эмпирических ходов для полевого исследования этой реальности. Насколько у него это получилось? Наряду с достоинствами, к которым можно отнести теоретическую фундированность каузальных моделей, предложение остроумных ходов для решения методологических проблем, а также эксплицитную интеграцию сетевого анализа в исследования этничности, можно выделить и ряд недостатков. К таковым относятся и сложность теоретической схемы, и неочевидность операционализации основных концептов (путь от схемы до полевых дизайнов является не самым тривиальным), и уход от проблемы отделения этнических феноменов от всех прочих. Главным же недостатком проекта, однако, по всей видимости, является ограниченная описательная и объяснительная способность ключевого концепта проекта — этнической границы. Виммер пишет, что к этому понятию надо относиться как к продуктивной метафоре, однако всякий раз, когда оно используется для описания тех или иных сетевых конструкций или дискурсивных ходов, остается непонятным, что именно — какие риторические ходы или конструкции сетей — в каждом случае является границей. Граница в сетевом смысле — это отсутствие связей между акторами или это особый тип связи, но что в таком случае отличает этот тип связи от всех остальных? А кроме того — между чем и чем пролегает граница и что она разделяет³? В личном разговоре после презентации книги на конференции ASN в 2014 году в Филадельфии Виммер признавал многие недостатки подхода и уже предлагал уходить от термина «граница», а больше внимания уделить идее «конструирования границ». Однако если в исследованиях категорий это еще можно применить, сетевой аспект (пожалуй, более важный для Виммера) оказывается в этом отношении «просевшим». Будучи полезной 50 лет назад в качестве прорывной метафоры, позволившей перейти к объяснению «культурного содержания» этнических групп, «этническая граница», по всей видимости, себя исчерпала и уж точно оказалась довольно слабым теоретическим концептом, не способным заменить «этническую группу» в качестве ключевого объекта исследований этничности. Этот — несущий — изъян теоретического языка, несмотря на титаническую работу Виммера по осмыслению достижений конструктивизма и важных теоретических предпо-

3. Этот вопрос в особенности релевантен в свете того, что Виммер — бруклинчанин, и как онтологически, так и методологически предлагает уходить от вещности концептов.

ложений и эмпирических решений, таким образом, оставляет открытым вопрос о продуктивных вариантах рамочного теоретического языка для изучения этничности и новом — четко сформулированном — объекте исследований. Не в полной мере это удастся и другому ключевому теоретику — политологу Канчан Чандре.

Вокруг Чандры и ее работ разворачивается другой масштабный проект, посвященный этничности. Как и Виммер, Чандра отталкивается от того, что конструктивизм, долгое время развивавшийся в споре с эссенциализмом/примордиализмом, более не может этого делать в связи с тем, что уже одержал безоговорочную победу. Это значит, что пришло время подытожить все то, что было открыто в ходе этого спора, и двинуться вперед. Движение вперед, согласно Чандре, предполагает кумуляцию знания посредством формулировки и проверки разного рода уже чисто конструктивистских гипотез, связанных с этничностью. Но для того, чтобы это происходило эффективно, необходимо создать язык, призванный именовать явления, в отношении которых и будут сформулированы гипотезы. Результаты усилий Чандры на этой ниве сначала были опубликованы в виде нескольких статей (Chandra, 2006; Chandra, Wilkinson, 2008), а затем — в виде монографии (Chandra, 2012). В этих работах она финализовала теоретический язык и — вместе с коллегами — «опрокинула» его на разные области политологических исследований: выборы, погромы, сецессии, патронаж, несостоявшиеся государства и др. Ниже реконструирована ее теоретическая модель.

В качестве центрального концепта Чандра использует термин «этническая идентичность». Отталкиваясь от неопределенности предиката «этническая», она довольно подробно описывает разнообразие конструктивистских определений этого и сходных явлений и приходит к выводу, что общим местом для них является, во-первых, то, что большинство этих определений так или иначе говорят о важности «происхождения» (реального или воображаемого), во-вторых, параллельно с «происхождением» эти определения часто указывают на те или иные культурные или фенотипические атрибуты, которые «объединяют» классифицируемых в качестве относящихся к тем или иным «идентичностям». Затем она указывает, что никогда не находится одного культурного или фенотипического атрибута, который был бы важен во всех контекстах, и на этом основании предлагает определить этническую идентичность как тип социальных категорий, в которых «базирующиеся на происхождении» (descent-based) атрибуты оказываются необходимыми для членства. Вслед за этим она — довольно детально — объясняет, что такое «базирующиеся на происхождении»: речь идет об особых правилах членства в воображаемых коллективах, которые в общем случае классифицируют некоторого человека в качестве принадлежащего к категории, если к ней принадлежат его родители.

Дав это определение, Чандра переходит к каркасу теоретического языка. Согласно этому языку, идентичности состоят из категорий и атрибутов. Категории — это слова, вокруг которых структурируются идентичности, атрибуты — это характеристики, связанные с соответствующими категориями, которые указывают

на принадлежность человека к той или иной категории, например, цвет кожи, язык, фамилия и проч. Эти атрибуты различаются по степени «прилипчивости» (stickiness) и «видимости» (visibility). Далее, существуют номинальные и активированные этнические идентичности. Номинальные идентичности — это все те идентичности, которые теоретически может «принять» на себя человек, основываясь на тех атрибутах, которые у него есть, активированные идентичности — это те, которые человек принимает на себя фактически. Каждый контекст описывается через номинальные и активированные идентичности. Основную задачу Чандры видит в том, чтобы изучать изменения категориального ряда (или отсутствие таких изменений), а также его детерминанты. Такое изучение возможно на индивидуальном, локальном и страновом уровнях, а также применительно к тем или иным идентичностям. Локация (в т. ч. страна) может быть описана посредством экспликации всех номинальных идентичностей и атрибутов, а также «пересечения» разных категорий и атрибутов, в рамках чего становится понятно, на какие идентичности каждый индивид в локации «имеет право» и как эти «права» распределены по людям. Наибольшей динамикой обладают активированные этнические категории, однако меняться может и ряд номинальных категорий, и атрибуты, связанные с первыми и вторыми. Более того — изменения всех этих компонент может быть связано друг с другом. И это само по себе может быть объектом изучения.

Что дает, по мнению Чандры, новая оптика? Прежде всего она указывает на то, что в «исследованиях прошлого», когда речь шла об этничности, зачастую не различали номинальные и актуализированные категории. Более того, в этих исследованиях этничность зачастую рассматривалась как фактор внешний по отношению к социальным процессам, своего рода идеальная независимая переменная или даже константа, которая стабильна и не объясняется разного рода социальной динамикой. И правда в такого рода исследованиях — особенно ярко это проявляется в хронологических рядах данных — значения этнических переменных (например, этническая фрагментированность) обычно — в отличие от значений прочих переменных — не меняются от года к году и этнические явления, таким образом, конструируются как неизменяемые, а это не так. Признание же изменчивости этнических категорий и помещение их в таком качестве в фокус исследований позволяет под иным углом рассмотреть разнообразие вопросов. Например, в исследованиях несостоявшихся государств, где этот факт ранее объяснялся этническим разнообразием, стало возможно увидеть то, как распад государства влияет на производимое этническое разнообразие. Логика здесь следующая: государство, среди прочего, является активным агентом производства и поддержания разнообразия посредством «официальных» этнических категорий; в момент распада государства ослабевает и официальная рамка для управления разнообразием, и это разнообразие может пересобратиться совершенно иным образом. В иной форме предстает и исследование этничности в электоральных процессах. В «эссенциалистских» проектах электоральный процесс рассматривался как соревнование стабильных

этнических групп, представленных «своими» этнопартиями. В конструктивистской же логике Чандры основной акцент должен делаться на то, как политики, с одной стороны, и электорат, с другой, выбирают, какие категории следует актуализировать исходя из текущей повестки дня, и лавируют между эмоционально заряженными патрикуляризмами и более массовыми (а значит, потенциально более сильными политически) инклюзивными рамками.

Проект Чандры, безусловно, является важным шагом в понимании этничности. Несомненный плюс работы — сама по себе постановка вопроса и указание на то, что даже в конструктивистских исследованиях не очень понимают, что, собственно, исследуется. Полезна базовая концептуальная работа, в частности, именно Чандра четче всех заявляет о том, что этничность связана с правилами членства, которое в общем случае наследуется. Чандра качественно и глубоко работает с категориальным аспектом этничности — указывает на то, что категории и их популярность меняются, и предлагает теоретические инструменты для того, чтобы понять, почему это происходит. Это выглядит полноценной повесткой дня для эмпирических исследований, цель которых — зафиксировать и измерить категориальные изменения. Важен и «объединительный» посыл ее работы. Она четко определяет себя в пространстве конструктивистских теорий, а также довольно точно диагностирует настоящее положение вещей — продвижения и лакуны. Работы Чандры являются одними из важнейших среди появившихся за последние 20 лет.

Однако и у них есть ряд недостатков. Прежде всего вызывает вопросы выбор базового термина и его концептуализация. Термин «идентичность» включен в схему в качестве ключевого концепта без какой-либо концептуальной проработки и без обращения к разнообразной его критике, в том числе и в области исследований этничности (Brubaker, Cooper, 2000). Это еще удивительнее, если принять во внимание, что в текстах Чандры термины «идентичность» и «категория», по сути, взаимозаменяемы. При таком подходе «идентичность» по аналогии с «границей» вряд ли может считаться тем самым потерянным, а затем найденным объектом для исследований этнических явлений. Другая проблема состоит в том, что, делая упор на категориях и категориальных изменениях, Чандра почти полностью игнорирует смыслы категорий, которые, во-первых, важны в том, что касается детерминации человеческого поведения, во-вторых, изменчивы в той же степени, в какой изменчивы категории. Неочевидными являются, кроме того, импликации ее подхода для эмпирических исследований. Изучение разрыва между номинальными и активированными этническими категориями предполагает основанный на комбинаторике перебор всех существующих номинальных категорий и пересечение их со всеми существующими атрибутами, однако и то, и другое — это открытый список, инструментов его закрытия Чандра не предлагает.

Все это заставляет рассматривать работу Чандры как лишь один из возможных вариантов современного конструктивизма. Из нее можно почерпнуть некоторое количество теоретических ходов, среди которых — указание на необходимость

рассмотрения этничности в качестве не константы, а переменной. Важно данное ею определение этничности, а также общее описание положения дел в конструктивистских исследованиях этого явления. Тем не менее указанные недостатки говорят о необходимости как минимум инкорпорации некоторых важных элементов в построения Чандры, как максимум — создания альтернативного теоретического проекта, который, и в этом с ней можно согласиться, сыграет важную роль в дальнейших продвижениях в понимании этничности.

Виммера и Чандру можно считать последними крупными теоретиками этничности. С начала 2010-х годов, когда увидели свет их монографии, новых больших проектов, в рамках которых бы велась работа по реконцептуализации области, не осуществлялось, и, таким образом, можно указать на элементы нового консенсуса и зафиксировать расхождения, лакуны и направления для потенциального развития. Итак, в ходе более чем 50 лет конструктивистских исследований этничности были сформулированы в качестве таковых и опровергнуты эссенциалистские представления, среди которых основным было рассмотрение этнических групп в качестве основного объекта анализа этнических явлений. В рамках нового — конструктивистского — консенсуса группы позиционируются как социальный конструкт, типичный способ рефлексии акторов разного порядка над этническим разнообразием, но не ключ к пониманию этнических явлений. Хотя официальная «вакансия» ключевого объекта конструктивистских исследований этничности не закрыта, можно говорить, что универсальным элементом конструктивистского консенсуса на сегодня является внимание к категориям в языке как «точкам сборки» этнических явлений. Таким образом, если попытаться сформулировать этот консенсус, он будет состоять в том, что этнические явления конструируются, и это конструирование происходит вокруг этнических категорий. Этот тезис кажется тривиальным, однако именно его тривиальность лучше всего иллюстрирует состояние области — дело в том, что большинство «рядовых» исследований ничего помимо этого не заявляют, а их теоретический вклад обычно состоит в указании на то, что этничность конструируется немного по-разному в разных локальных контекстах, в ходе этого процесса используются немного разные ресурсы воображения и т. д. Это своего рода «эффект колеи» — конструктивизм отталкивался от эссенциалистских представлений и опровергал их, и, хотя тем, кто погружен в соответствующий теоретический контекст, очевидно, что эссенциализм не является сколько-нибудь релевантной рамкой, сила инерции редко позволяет появляться иным тезисам. В связи с этим сложно не согласиться с Виммером и Чандрой, которые — независимо друг от друга — предлагают сделать шаг вперед и, отказавшись от потерявшего смысл диалога с эссенциалистами, сформулировать новую исследовательскую повестку дня. И Виммер, и Чандра предлагают свои программы, однако в обоих случаях возникает ряд проблем концептуального и операционального характера, и все это не позволяет полноценно использовать их программы для исследований. Что «проседает» в обеих программах? Пожалуй, важнейшим их «слепым пятном» является то, что, концентрируясь

на категориях и членстве в них, они не уделяют внимания разнообразию смыслов, которые связаны с категориями. Между тем — в той мере, в какой, согласно Барту, этничность — это прежде всего интерфейс для взаимодействий и сигнальная система — именно смыслы категорий, а не категории *per se* определяют то, как этничность структурирует отношения и поведение в целом. К этим смыслам относятся и типичные описания представителей тех или иных категорий, или, говоря психологически, стереотипы, и — нормы, которые описывают то, что значит «быть» представителем той или иной категории, а также то, как с представителями той или иной категории себя вести. Если Чандра игнорирует этот вопрос практически полностью, сводя его к «атрибутам», через которые определяется возможное и реальное членство в категориях, то Виммер все-таки включает его в модели, говоря, например, о «закрытости», которую практикуют «меньшинства», то есть, по сути, о нормативности, регулирующей членство. Впрочем, эксплицитной частью теоретического языка в его случае смыслы не являются.

Во второй части статьи будут представлены наброски альтернативной исследовательской программы, которая, интегрируя наработанное в рамках конструктивистских исследований этничности, предлагает особый концептуальный язык, позволяющий изучить феномен этничности оптимальным образом, теоретические модели и гипотезы, которые можно сформулировать на основании этого теоретического языка, а также полевые операционализации, которые позволяют реализовывать эмпирические исследования, необходимые для проверки этих моделей. Также будут приведены примеры из исследований автора. В заключении будут указаны направления для дальнейшей концептуальной и полевой работы.

Теоретический язык и примеры его использования

Прежде всего в той мере, в какой важно определить объект исследований и сделать это достаточно однозначно, в рамках этой программы утверждается, что этим объектом становится этничность. Этничность не определяется жестко, рамочное ее определение заимствуется из работ Валерия Тишкова (Тишков, б.д.), который, в свою очередь, берет его из названия книги Барта, однако в данном случае это определение дается с модификацией, которая заимствуется из работ Чандры. Согласно определению, этничность — это *социальная организация различий, сконструированных вокруг категорий, членство в которых преимущественно наследуется*. Это определение интегрирует важные и в целом консенсуальные ходы. Во-первых, в его рамках осуществляется уход от попытки включить в определение все те основания, которые в разных контекстах являются индикаторами принадлежности к категориям. Во-вторых, расовые, этнические, национальные и прочие различия в нем не выделяются в отдельные феномены и редуцируются к этническим. В-третьих, согласно этому определению, в отдельное явление этничность выделяется в той мере, в какой принадлежность к категориям в общем случае передается от родителей к детям. В-четвертых, в нем подчеркивается, что раз-

личия одновременно и организуют социальные взаимодействия, и сами по себе являются следствием социальных процессов. Если последний пункт — общее место в рамках конструктивистской теории в целом, первые три требуют короткого пояснения.

Усилия по определению этнических феноменов — идет ли речь об эссенциализме, где в фокусе оказываются группы, или о конструктивизме, который отказывает группам в существовании, но настаивает на ключевой роли категорий — сталкиваются с одной и той же проблемой. Эта проблема состоит в том, что основания для различения и группировки в разных контекстах оказываются разными, и если в одних контекстах люди различаются и группируются по языку, притом что выглядеть они могут очень по-разному, в других — язык оказывается один на всех, при этом основанием для различий и группировки оказывается религия, а в третьих — все говорят на одном языке, верят в одного бога, но по-разному выглядят, и это оказывается самым важным. Долгое время эти контексты исследовались по отдельности, и в каждом из них объект определялся по-разному, однако по мере интеграции науки исследователи приходили к мысли, что — идет ли речь об американских расах, советских национальностях, европейских нациях или африканских племенах — речь идет об одном и том же явлении. Однако если это так, то что является «общим знаменателем», позволяющим выделить этнические явления из всех прочих? Постепенно — методом проб и ошибок — конструктивизм пришел к тому, что единственное, на что можно опереться в их определении, является то, что всякий раз речь идет о регуляции членства в сообществах, которое по умолчанию в общем случае передается от родителей к детям и именно этим этнические явления отличаются от всех прочих. Да, это не всегда так, и конструктивизм исторически критикует взгляд, согласно которому этот принцип работает бесперебойно и является единственным основанием для определения членства в коллективах. Более того, некоторые контексты, например, национальные, за счет института принятия в гражданство довольно далеко отошли от этого понимания даже на неофициальном уровне. Однако в той степени, в какой это понимание существует в сознании людей, этнические явления продолжают существовать, и — в силу того, что, как принято считать, у американских черных рождаются американские черные, у ногайцев рождаются ногайцы, а у немцев рождаются немцы — американские расы, советские национальности и европейские народы оказываются рядоположенными явлениями, которые (а точнее, их конструирование) и становятся объектом исследования этничности.

Есть и другая проблема. Как и в других определениях этничности (например, тех, где ключевым словом является «культура»), находятся явления, которые классифицируются как этнические, но интуитивно таковыми не являются. Наиболее очевидная несостыковка в данном случае — это членство в семье, которое также передается от родителей к детям. Но содержание мнимых неточностей может парадоксальным образом указать на верность общего правила, и если учесть, что семья на протяжении истории была прежде всего политическим союзом, попол-

няемым прежде всего за счет детей его членов, эта неточность оказывается эвристически полезной.

Здесь важно, однако, привести еще одну линию рассуждений, которая приводит к выводу, что действительно существует отдельный класс этнических явлений, в целом схожих между собой и одновременно отличающихся от всех прочих, и тем самым поспорить с мнением, согласно которому этничность — это аналитически бессмысленный исследовательский конструкт, а контексты, в которых люди классифицируются на основе языка, религии, внешности и прочих параметров, следует изучать вне связи друг с другом (Филиппов, 2005). Эта линия рассуждений отсылает к ряду эволюционно-психологических исследований (Hirschfeld, 1996; Gil-White, 2001; Kurzban, Tooby, Cosmides, 2001; Cosmides, Tooby, Kurzban, 2003) и использует соответствующую аргументацию. Согласно этим исследованиям, есть небольшое количество характеристик, которые человек «считывает» про другого человека почти мгновенно. К ним относятся возраст и пол, а также — поскольку большинство этих исследований делалось в США — расовая принадлежность. Скорость «считывания» указывает на то, что оно осуществляется почти автоматически, а значит, речь идет о врожденных механизмах. В той мере, однако, в какой раса — это социальный конструкт, а расовые контексты сложились по эволюционным меркам даже не вчера, а сегодня, можно предположить, что автоматическое считывание расовой принадлежности — это надстройка над механизмом, который сформировался в ответ на другие вызовы. Согласно двум основным гипотезам, этими вызовами являлась необходимость, с одной стороны, различать виды животных, с другой — «считывать» альянсы людей: выживали те, кто делал это эффективнее других, и соответствующие механизмы закрепились эволюционно. Возвращаясь к аргументу: этнические явления, таким образом, выделяются в отдельный класс в связи с тем, что они — вне зависимости от контекста — «эксплуатируют» одни и те же врожденные психологические механизмы, и эти механизмы отличаются от тех, которые используются при осуществлении прочих социальных классификаций. Эволюционно-психологическую аргументацию и стоящую за ней эмпирику следует разбирать отдельно, равно как важной задачей является «представление» этих исследований социологам и антропологам, которые занимаются вопросами этничности, однако в той мере, в какой вызывает вопросы концептуальное объединение в один класс явлений того, что принято изучать «под брендом» расовых отношений, национализма, религиозных конфликтов и проч., — эта аргументация оказывается сильным свидетельством в пользу такого объединения.

Следующий шаг состоит в том, чтобы указать на конструируемые в рамках создаваемого подхода явления и наименовать их. В конструктивизме утверждается, что этничность структурирована вокруг этнических *категорий*. Этническими категории становятся в тот момент, когда они удовлетворяют условию определения этничности, т. е. принадлежность к этим категориям наследуется. Однако, как отмечалось выше, сами по себе категории еще не способны структурировать отношения, это делают *атрибуты* категорий, под которыми понимается все разнообра-

разие смыслов, связываемых с категорией. Эти смыслы могут быть очень разными. Самый очевидный тип таких атрибутов — это когнитивные генерализации, также известные как стереотипы (American Psychological Association, 2020). Однако ими дело не ограничивается, и к атрибутам относятся, например, еда и одежда, места и географические абстракции, конкретные люди, типичные отношения с другими этническими категориями и многое другое. Единственным критерием является то, что эти явления атрибутируются категориям, т. е. в представлениях людей есть связь между атрибутом и категорией. Атрибуты, таким образом, охватывают большое разнообразие явлений, и следующий несущий элемент теоретического языка также можно было бы посчитать атрибутом, однако в силу его важности и с известной долей условности он включается в язык на отдельных основаниях. Речь идет о *нормах*. Нормы связаны как с категориями, так и с атрибутами и описывают то, как нужно себя вести будучи представителем той или иной категории или во взаимодействии с ним. Категории, атрибуты и нормы — это три базовых элемента теоретического языка, и — все вместе — они формируют *конструкцию этничности*, представляющую собой всю совокупность категорий, атрибутов и норм, а также связей между ними в так или иначе ограниченном контексте. Конструкция этничности, таким образом, это элемент социальной структуры, однако дальше встает вопрос, посредством чего эта структура начинает фактически определять поведение людей. Ответ состоит в том, что это происходит за счет механизма *идентификации*, но не только и не столько с номинально «своей» категорией, сколько с конструкцией этничности в целом или ее частями, а идентификация со «своей» категорией — это своего рода побочный продукт этого процесса. Важно в этой связи отметить, что конструкция этничности — это сложное смысловое поле, и категории, существующие в нем, далеко не обязательно (а скорее только в исключительных случаях) носят характер четкой классификации, в рамках которой каждой категории однозначно «приписываются» нормы и атрибуты. Напротив, категории могут пересекаться, «гнездиться» или, наоборот, взаимно исключать друг друга, равно как их атрибуты и нормы, с ними связанные, могут довольно причудливо соотноситься с категориями, а также носить эксплицитный или имплицитный характер. Идентификация тоже совсем не обязательно происходит со всей конструкцией этничности целиком — в силу сложности поля идентифицироваться можно с отдельными его частями и элементами. Таким образом, если резюмировать, в рамках создаваемого языка выделяются конструкции этничности, представляющие из себя относительно аморфное поле смыслов, в котором основными элементами являются этнические категории, атрибуты, с ними связанные, а также нормы, регулирующие поведение людей исходя из атрибутов категорий. Люди «врастают» (или не «врастают») в эту конструкцию посредством механизма идентификации, и, если это происходит, они начинают действовать исходя из существования предполагаемых ею категорий, атрибутов и норм. Этот язык является наиболее лаконичным синтезом конструктивистской ориентированности на категории последнего времени и забытого, но не менее важного, смысло-

вого и нормативного аспекта этничности, прошедшего через «антигруппистскую» революцию Брубекера.

Что на основании этого языка можно делать и как именно? За счет каких методологий, инструментов и прочих ресурсов это возможно? Прежде всего важной целью является переописание разных контекстов на ее основе. В конечном счете, хотя конструктивизм победил как научная рамка, плоды этой победы распределены в научной и общественно-политической областях весьма неравномерно — на одно конструктивистское описание зачастую приходится бесчисленное количество эссенциалистских. Таким образом, создание описаний с использованием этого языка и этой схемы и есть важная научно-производственная и общественная задача. Однако сами по себе эти описания не открывают ничего нового, и — вслед за Виммером и Чандрой, призывающими перестать вести диалог с воображаемым врагом-примордиалистом — можно подумать над конструктивистскими теориями и моделями, которые, используя элементы этого языка, позволяли бы открывать закономерности, видимые исключительно в конструктивистской оптике. Чандра делает это, концентрируясь на категориях и моделируя прагматику идентификации с теми или другими категориями в связи с тем, с какими категориями вообще может идентифицироваться исследуемый, а также с прочими его социальными характеристиками. Предложенная в этой статье схема позволяет делать больше, и как зависимыми, так и независимыми переменными в этой схеме могут стать все основные ее элементы. Например, можно исследовать категории, присутствующие в конструкции этничности, на предмет того, насколько они используются в контексте друг друга или идут в противофазе. Можно изучать изменения атрибутов категорий или норм, с ними связанных, во времени и выяснять, с чем эти изменения связаны. Можно определять социальные характеристики, заставляющие идентифицироваться с теми или иными элементами конструкции этничности. Можно сравнивать между собой разные контексты, изучать типичные атрибуты и нормативность, связанные с этническими категориями вообще, и объяснять, почему они возникают. Есть, однако, и, как представляется, более широкая задача. Она состоит в изучении того, как внешние, не связанные с этничностью факты воздействуют на конструкции этничности и какой эффект это имеет, а также, напротив, как те или иные конструкции этничности влияют на ход событий. Ниже приводятся два примера исследований, в которых проблема ставилась исходя из этих соображений, а анализ осуществлялся на основании этой схемы. В описании этих примеров всякий раз, когда речь идет об элементах схемы, это будет помечаться отдельно.

В исследовании, осуществленном автором со студентами в Армении в 2016 году, ставилась задача описать конструкцию этничности в селах Гегаркуникской области Армении и выяснить, как она связана с паттернами миграции оттуда в Россию. Одно из этих сел, Нуракерт, появилось в 20-е годы XX века, его основали беженцы из Турции, прежде всего из трех мест — сел Хов и Сыг, а также города Ван. Большая часть жителей села идентифицирует себя с категорией «армянин»,

но одновременно в конструкции этничности присутствуют категории, связывающие жителей с местом происхождения их семей в Турции: «ховецы», «сыгецы» и «ванецы». Атрибутами этих категорий являются различные качества, воспроизводящиеся в анекдотических историях. В частности, про «ванецы», которые в отличие от всех прочих происходят из города, а значит — скаредные, рассказывается следующая история:

Идут два «ванецы» с женами. Видят друг друга. Один другому: «Барев!» (Привет, арм.). Другой отвечает: «Хазар барев!» (Тысяча приветов, арм.). Жена отводит второго в сторонку и говорит: «Какая тысяча — максимум сто!»

Эти категории, впрочем, не связаны с какой-либо нормативностью, помимо, возможно, той, которая предполагает при случае напомнить друг другу об анекдотах, которые и так все знают: «ховецы», «сыгецы» и «ванецы» дружат и женятся между собой без ограничений. Живут в этом селе, однако, люди, связанные с категорией «езди» (езиды, арм.). Это одна расширенная семья, попавшая в село в советское время, и про них рассказывают, что (атрибут 1) женщины у них распутные (источником этого мнения, впрочем, скорее всего, является поведение одной-единственной женщины), а также — что они, хотя вроде бы исповедуют какую-то свою религию, являются криптомусульманами (атрибут 2), и в их домах видели плакаты с мечетями в Мекке. С ними предпочитают не общаться (норма), и в результате вопреки ожиданиям, согласно которым односельчане помогают друг другу, в Россию на заработки «армяне» и «езди» отправляются по разным каналам. Последнее — важный результат, он демонстрирует связь конструкции этничности и внешних явлений, в данном случае миграции. В конструкции этничности этого села существует и категория «азербайджанец», которая связывается как с людьми, которые жили в соседнем селе до Карабахского конфликта, а затем были вынуждены уехать, им атрибутируются разнообразные позитивные добрососедские качества, так и с жителями Азербайджана, главным атрибутом которых является то, что они — «враги». В силу того что этническая категория, организующая смыслы, одна — эти смыслы причудливым образом пересекаются. На эту сетку смыслов, кроме того, накладываются атрибуты и нормативность, связанные с категорией «пахстакан» (беженцы, арм.) Дело в том, что в села, до того населенные азербайджанцами, прибыло армяноязычное население из Азербайджана, которых принято обвинять в том, что они «черствые», рассказывать историю содержания «шел мимо их дома, попросил стакан воды, а они не дали», а также говорить, что они «обазербайджанились» и именно с этим связывать все их негативные черты (все это — атрибуты). С ними тоже предпочитают свести общение к минимуму (нормы). Сами «пахстакан», разумеется, считают «черствыми» и «бессердечными» как раз местных жителей. Похожая конструкция воспроизводится и в других селах района. Согласно гипотезе, сформулированной в ходе исследования, чем интенсивнее из села миграция в Россию, тем чаще «азербайджанцы» воспринимаются

как в прошлом «добрые соседи», а не как «враги». Это можно объяснить тем, что в России им зачастую приходится интенсивно общаться с азербайджанцами, что приводит к изменению атрибутов и норм, связанных как с категорией «азербайджанец» («враг»), так и «армянин» («тот, кто враждует с “азербайджанцами”»). Это пример реальной конструкции этничности и того, как она влияет на поведение в разных его аспектах, включая миграцию в Россию, а также того, как эти аспекты, наоборот, влияют на саму конструкцию этничности. Кроме того, на этом материале видно, что конструкция этничности — это нечетко структурированное поле, где сосуществуют категории разного уровня и характера, а смыслы, с ними связанные, неожиданным образом накладываются и неоднородно распределяются по индивидам и сообществам. И такого рода описания — это один из способов зафиксировать конструкцию этничности.

Другой пример взят из исследований земельных конфликтов в Дагестане, которые автор проводил в 2014 году (Варшавер, 2014). В качестве кейса был взят конфликт, на тот момент разворачивавшийся вокруг внушительного размера земельного участка рядом с Махачкалой. Участок был захвачен для последующей застройки жителями трех почти исключительно кумыкских сел, находящихся в черте города, — Тарков, Кяхулая и Альбурикента. Дело в том, что предки нынешних жителей этих сел были выселены из них во время Второй мировой войны в череду так называемых «каскадных депортаций» — они должны были заместить отправленных в Среднюю Азию чеченцев из Ауховского района Дагестана. После возвращения чеченцев кумыки смогли вернуться в свои села, однако их колхозы уже были расформированы, вернуться к сельскохозяйственной деятельности они не смогли и стали работать в городе преимущественно на позициях, не требующих квалификации. С распадом Советского Союза и закрытием производств население этих сел по большей части маргинализировалось, среди селян стали популярны криминальные и околокриминальные экономические стратегии. Интерпретация событий, связанных с депортациями, несмотря на то что других кумыков Дагестана депортации не коснулись, в замкнутых сообществах сел осуществлялась посредством дискурса о национальностях, что накладывалось на расцвет неофициальных национализмов в конце 1980-х — начале 1990-х. Особенность кумыкского национализма состояла в том, что в качестве ключевой проблемы, в отношении которой предлагалось мобилизоваться, было переселение жителей горных сел на равнину — политика, активно проводимая советской властью в Дагестане. Кумыкский национализм, однако, был склонен, во-первых, этнизировать эту проблему и указывать на то, что с гор спускались аварцы, даргинцы и прочие горские народы Дагестана; во-вторых, персонифицировать ее, считать ответственным за нее конкретного человека, председателя дагестанского обкома, аварца Абдурахмана Даниялова; в-третьих, подчеркивать, что равнинный Дагестан — это кумыкская «этническая» земля. На этой волне в селах возникло движение за реституцию, которое в 2013 году обратилось к тактике самозахвата земель, а в качестве объекта самозахвата была выбрана территория у моря, известная как Караман. Эта земля

к тому же относилась к существовавшему в XIX веке Тарковскому шамхальству, а потому участники движения считали, что она принадлежит им.

Таков был контекст, в непосредственном же фокусе этого исследования было то, как участники конфликта говорили о его причинах, ходе и перспективах. Были записаны интервью, которые затем анализировались на основании приведенной теоретической схемы. Несмотря на существенное разнообразие конкретных способов говорить о конфликте (люди с разным уровнем образования, представители разных поколений и т. д.), магистральный дискурс, который в той или иной степени транслировало большинство информантов, описывал мир в национальных категориях, где земля — имеет национальность, кумыки являются истинными владельцами равнинной земли, и на протяжении XX века их всеми возможными способами пытались этой земли лишить (это все атрибуты категории «кумык»). Вот выдержки из интервью, где этот дискурс четко прослеживается:

Нас обманом туда переселили, это первый секретарь обкома Даниялов, чтобы своих аварцев сюда на наши земли переселить. С обманом. <...> Выставили так чеченцев. Их переселили... <...> Миллионеры колхозы были. Вот Караман где — сейчас там новострой строят. Лакцем отдали. Лакцы есть же, они сюда пришли. <...> На наши земли, понятно? Нам должны <...> эти земли вернуть. <...> Даргинцы, лакцы, аварцы, лезгины <...> Мы степной народ. Мы кормили их тысячелетиями, которые живем здесь. <...> Нам всегда они подчинялись, всегда, понимаешь? В те времена, царские, до царства. Потому что вся экономика раньше была у нас. <...> Они хитрый народ. Аварцы поднимаются, лезгины друг друга поддерживают. Вот, сто депутатов, да? А там десять кумыков-депутатов, допустим... Девяносто поднимается против, и раз — все законно. Как это законно на своей земле? Я хозяин земли, я здесь живу.

Очевидно, что, если исходить из этого дискурса, правильным (норма) по разным критериям поведением является попытка вернуть землю себе. Среди селян или их потомков, однако, циркулируют и два других дискурса. Оба имеют гораздо менее воинственный характер, в основании этой не-воинственности (при лишь небольшой модификации категориального ряда) лежит переосмысление этих категорий. Так, первый дискурс указывает на то, что Махачкала — это интернациональный город, в котором все национальности перемешались (атрибуты). Информанты часто приводили аргументы, согласно которым они или их родственники и знакомые женаты на представителях других национальностей, и что конфликты «между национальностями» — в прошлом. Носителями этого «космополитического» дискурса являются выходцы из сел, которые живут в Махачкале, они часто имеют высшее образование и в социально-экономическом смысле порвали с сообществом сел. Второй дискурс — «исламский» — существует внутри сел и структурируется вокруг категории «мусульманин». В рамках этого дискурса указывается на единство всех мусульман, признается существование народов,

однако принадлежность к ним является вторичной по отношению к принадлежности к исламской умме, которую следует пестовать (норма), эти народы, кроме того, являются братьями друг другу (атрибуты), и если между ними и происходит вражда, то из-за того, что внешние силы пытаются «натравить» один народ на другой. Хотя и космополитический, и исламский дискурсы признают существование народов, совокупность атрибутов и норм, с ними связанных, совсем другая: нет связи между народом и землей, а значит, не нужно идти за нее бороться, а отношения между национальностями описываются не как вечная вражда, а либо как перемешивание, либо как «братство». Идентификация с одним из этих двух полей смыслов приводит к тому, что жители села выпадают из числа активных участников движения за землю. Однако, с одной стороны, мечеть не является прямым оппонентом движения, с другой — понимая эту опасность, истеблишмент движения пытается легитимировать свой образ действия в исламе, и, например, первым зданием, которое было построено на Карамане после самозахвата, стала мечеть.

Итак, на материале двух разных исследований было показано, как именно схема, в рамках которой выделяется конструкция этничности (категории, атрибуты и нормы), а также идентификация с разными элементами этой конструкции, может быть полезна для продуктивного описания контекстов, а также создания и проверки эмпирических моделей, описывающих связь между конструкцией этничности и разными ее элементами, с одной стороны, и разными внешними явлениями (миграция в Россию, участие в общественном движении) — с другой.

Заключение

Конструктивистские исследования этничности находятся на довольно необычном этапе развития. Сложившись несколько десятилетий назад в диалоге с существующим обычным способом осмысления и изучения этнических явлений, в рамках которого объектом исследования были по-разному обозначаемые совокупности людей (народы, племена, этнические группы и проч.), и, обозначив его как «эссенциализм» и «примордиализм», конструктивизм — в том, что касается «большой повестки дня» — занимался преимущественно опровержением по-разному формулируемых «эссенциалистских» и «примордиалистских» позиций. Осуществлялось это посредством проведения исследований, в которых указывалось на сконструированность тех или иных объектов, и хотя — в рамках общих принципов научного производства — во всяком исследовании обнаруживалась новизна, а некоторые исследования носили прорывной характер, эти исследования, продолжая «пинать мертвую лошадь примордиализма», ничего нового на уровне повестки дня не несли. В связи с этим в рамках двух крупных проектов, эксплицитно поставивших в качестве цели развитие конструктивистской традиции, было заявлено о необходимости движения вперед и переходе к созданию конструктивистских теорий. Однако для этого предстояло из весьма разрознен-

ных элементов собрать теоретический язык, на основании которого эта работа могла быть проведена. Автор первого проекта — Андреас Виммер обратился к метафоре этнической границы и, указав на категориальную и социальную (сетевую) ее природу, попытался на основании разнообразия внешних по отношению к его модели социологических ресурсов создать многоуровневую процессуальную модель, где акторы посредством механизма идентификации связывали себя с теми или иными категориями в рамках широкого (национальные государства как основа миропорядка) и узкого (сети дружб и знакомств) контекстов. Канчан Чандра сконцентрировала свое внимание на «номинальных» и «активированных» этнических категориях. Работы Виммера, как и работы Чандры, являются шагом вперед, однако если Виммер так и не создает теоретический язык, удовлетворявший отработавшей своей метафорой «этнической границы», то Чандра язык создает, однако он слеп к огромному полю смыслов, складывающихся вокруг категорий, которые — а не категории сами по себе — и структурируют человеческое поведение.

В этой статье предложен язык, учитывающий эти проблемы и являющийся надстройкой над существующими языками с учетом указанных проблем, концептуализируется этничность как объект исследования, определенная как *социальная организация различий, сконструированных вокруг категорий, членство в которых преимущественно наследуется*, и предлагается теоретическая схема, в рамках которой каждый контекст характеризуется конструкцией этничности, к которой относятся — этнические категории, а также их атрибуты и нормы. Индивиды соединяются с конструкцией этничности посредством механизма идентификации и за счет этого она — целиком или частями — начинает воздействовать на их поведение. Исследовательскими задачами в свете этого является как описание разных контекстов на предмет конструкций этничности, так и создание моделей, где разные элементы конструкции этничности связываются между собой или с внешними по отношению к ней явлениями. На двух примерах было продемонстрировано, как использование этой схемы, и — в особенности — внимание к атрибутам и нормам, не концептуализированным ни у Виммера, ни у Чандры, но выступающим важным элементом теоретических конструкций Барта, позволяет увидеть до того слабо различимые элементы этничности и посредством их объяснить внешние по отношению к этничности явления — миграцию и социальные движения, равно как посредством этих явлений объяснить конструкцию этничности.

Этот теоретический язык и теоретическая схема имеют ряд недостатков. Так, из них уходит процессуальность и интерактивность этничности, которая у Виммера, например, становится видимой посредством концептов «проведение этнических границ» или «работа над границами». Упускается пока и другое важное — истинно конструктивистское — понимание, согласно которому представления о том, какие есть категории, атрибуты и нормы, неравномерно распределены по индивидам. Кроме того, почти полностью опущен когнитивный элемент — люди опре-

деляют друг друга и действуют на основании схем и скриптов. Тем не менее в той мере, в какой создание этого языка является незавершенным проектом, указанные минусы можно считать перспективными задачами. К таковым относится и более подробная разработка той части схемы, где речь идет об атрибутах: их следует попробовать для начала классифицировать, чтобы затем создавать модели, более тонко различающие их виды. К таковым относится и включение в язык элементов, позволяющих изучать правила членства в группах (соответствующим концептом может быть «этнический порядок»). К таковым относится и создание разнообразия эмпирических дизайнов, в том числе и количественных. Параллельно должна вестись работа, состоящая в интеграции междисциплинарного поля исследований этничности — социолого-антрополого-политологический кластер исследователей «не различает» разнообразие психологических направлений, которые давно и подробно исследуют этнические явления, и среди этих направлений — социальная психология, эволюционная психология, а также в некоторой мере нейрофизиология. Между двумя этими дисциплинарными полями существует определенного рода предвзятость.

Должна, кроме того, проводиться целенаправленная работа, связанная с созданием, обсуждением и внедрением теоретического языка, который, помимо того что позволяет увидеть вещи и исследовать их, служит цели интеграции поля. С этим сопряжено две проблемы — первая состоит в том, что, учитывая релевантность темы этничности вне научных контекстов, существует опасность «съедения» этого языка более влиятельным эссенциалистским языком, вторая — в мир-системном неравенстве возможностей предложения и внедрения языка, в результате чего более влиятельные, но менее точные языки, на основании которых уже проводятся десятки исследований, могут быть лучшим решением, нежели дальнейшая фрагментация языков за счет предложения дополнений и альтернатив. Тем не менее интеграция поля и уточнение языка с выходами на разнообразие исследований должны вестись, и хочется надеяться, что эта статья в некотором приближении послужит этой цели.

Литература

- Варшавер Е. А. (2014). Тарки-Караман: механизм одного земельного конфликта в Дагестане // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. Т. 5 № 123. С. 133–150.
- Вебер М. (2017). Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. Общности. Т. 2 / Ионин Л. Г. (пер. с нем., сост., общ. ред., предисл.). М.: Издательский дом Высшей школы экономики.
- Гофман И. (2000). Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ. А. Д. Ковалева. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле.
- Тишков В. А. (б.д.). Этничность как форма социальной организации. URL: <http://valerytishkov.ru/cntnt/publikacii/lekcii2/lekcii/etnichnost.html>.

- Филиппов В. Р. (2005). Фантом этничности (мое пост-конструктивистское непонимание этнической идентичности) // Дневник Алтайской школы политических исследований. № 21. Современная Россия и мир: альтернативы развития (национальная, региональная идентичность и международные отношения): Материалы международной научно-практической конференции / Под ред. Ю. Г. Чернышова. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та. С. 167–171.
- American Psychological Association (2020). Stereotype. URL: <https://dictionary.apa.org/stereotype>.
- Anderson B. (1983). *Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London, New York: Verso.
- Banks M. (1996). *Ethnicity: Anthropological Constructions*. London: Routledge.
- Barth F. (ed.) (1969a). *Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference*. Boston: Little, Brown Series in Anthropology.
- Barth F. (1969b). Introduction // Barth F. (ed.) *Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference*. Boston: Little, Brown Series in Anthropology. P. 9–38.
- Barth F. (1969c). Pathan Identity and its Maintenance // Barth F. (ed.) *Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference*. Boston: Little, Brown Series in Anthropology. P. 117–134.
- Bourdieu P. (1991). Language and symbolic power / Thompson J. B. (ed.), Raymond G. (tr.), Adamson M. (tr.) Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1991.
- Brubaker R. (2002). Ethnicity without Groups // *European Journal of Sociology/Archives Européennes de Sociologie*. Vol. 43. № 2. P. 163–189.
- Brubaker R. (2004). *Ethnicity without Groups*. Cambridge, Massachusetts, and London (England): Harvard University Press.
- Brubaker R., Cooper F. (2000). Beyond “Identity” // *Theory and society*. Vol. 29. № 1. P. 1–47.
- Chandra K. (2006). What is Ethnic Identity and Does it Matter? // *Annual Review of Political Science*. Vol. 9. P. 397–424.
- Chandra K. (ed.) (2012). *Constructivist Theories of Ethnic Politics*. Oxford (New York): Oxford University Press.
- Chandra K., Wilkinson S. (2008). Measuring the Effect of “Ethnicity” // *Comparative Political Studies*. Vol. 41. № 4–5. P. 515–563.
- Cohen A. (1969). *Custom and Politics in Urban Africa: A study of Hausa Migrants in Yoruba Towns*. London: Routledge and Kegan Paul.
- Cosmides L., Tooby J., Kurzban R. (2003). Perceptions of Race // *Trends in Cognitive Sciences*. Vol. 7. № 4. P. 173–179.
- Drake S. C., Cayton H. R. (1945). *Black Metropolis: A study of Negro Life in a Northern City*. Chicago and London: University of Chicago Press.
- Gellner E. (1983). *Nations and Nationalism*. Ithaca: Cornell University Press
- Gil-White F. J. (2001). Are Ethnic Groups Biological “Species” to the Human Brain? Essentialism in our Cognition of some Social Categories // *Current Anthropology*. Vol. 42. № 4. P. 515–553.

- Haaland G.* (1969). Economic Determinants in Ethnic Processes. // *Barth F.* (ed.) *Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference*. Boston: Little, Brown Series in Anthropology. P. 58–73.
- Hirschfeld L. A.* (1996). *Race in the Making: Cognition, Culture, and the Child's Construction of Human Kinds*. Cambridge, Massachusetts, and London (England): MIT Press.
- Hobsbawm E., Ranger T.* (eds.) (1983). *The Invention of Tradition*. Cambridge (United Kingdom): Cambridge University Press.
- Horowitz D.* (1985). *Ethnic Groups in Conflict*. Berkeley: University of California Press.
- Jackson M.* (1982). An analysis of Max Weber's theory of ethnicity // *Humboldt Journal of Social Relations*. Vol. 10. № 1. P. 4–18.
- Kurzban R., Tooby J., Cosmides L.* (2001). Can Race be Erased? Coalitional Computation and Social Categorization // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. Vol. 98. № 26. P. 15387–15392.
- Lorber J., Farrell S. A.* (eds.). (1991). *The social construction of gender* // Newbury Park, CA: Sage Publications.
- Mitchell J. C.* (1956). *The Kalela Dance. Aspects of Social Relationships among Urban Africans in Northern Rhodesia*. Manchester: Manchester University Press.
- Nagel J.* (1994). Constructing ethnicity: Creating and recreating ethnic identity and culture // *Social problems*, Vol. 41. № 1. P. 152–176.
- Pollis A.* (1996). The social construction of ethnicity and nationality: The case of Cyprus // *Nationalism and Ethnic Politics*. Vol. 2. № 1. P. 67–90.
- Van den Berghe P. L.* (1987). *The ethnic phenomenon*. Westport, CT: Greenwood Press.
- Wimmer A.* (2004). Does Ethnicity Matter? Everyday Group Formation in Three Swiss Immigrant Neighbourhoods // *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 27. № 1. P. 1–36.
- Wimmer A.* (2008a). Elementary Strategies of Ethnic Boundary Making // *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 31. № 6. P. 1025–1055.
- Wimmer A.* (2008b). The Making and Unmaking of Ethnic Boundaries: A Multilevel Process Theory // *American Journal of Sociology*. Vol. 113. № 4 P. 970–1022.
- Wimmer A.* (2009). Herder's Heritage and the Boundary-Making Approach: Studying Ethnicity in Immigrant Societies // *Sociological Theory*. Vol. 27. № 3. P. 244–270.
- Wimmer A.* (2013a) *Categorization Struggles* // *Wimmer A.* (2013). *Ethnic Boundary Making: Institutions, Power, Networks*. Oxford (New York): Oxford University Press.
- Wimmer A.* (2013b). *Ethnic Boundary Making: Institutions, Power, Networks*. Oxford (New York): Oxford University Press.
- Wimmer A., Lewis K.* (2010). Beyond and Below Racial Homophily: ERG Models of a Friendship Network Documented on Facebook // *American Journal of Sociology*. Vol. 116. № 2. P. 583–642.
- Wimmer A., Lewis K.* (2013). *Network Boundaries* // *Wimmer A.* (2013). *Ethnic Boundary Making: Institutions, Power, Networks*. Oxford (New York): Oxford University Press.

“Stop beating the dead primordial horse”: actual agendas in the constructivist research of ethnicity

Evgeni Varshaver

Head of the Group for Ethnicity and Migration Research,
Research Fellow, Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Associate professor, Higher School of Economics
Address: prospect Vernadskogo, 82 Moscow, Russian Federation 119571
E-mail: varshavere@gmail.com

The article describes the current state of affairs in the contemporary constructivist research of ethnicity. While emerging within anthropology in the 1960's under the influence of sociological constructivist theories, this approach has been developing in a dialogue with “primordialism” and “essentialism”, the ways of thinking which were, to a large degree, conceptualized by constructivists themselves. It has been, however, become clearer that this dialogue is no longer productive, and constructivists faced the necessity to re-establish the very agenda of the constructivist research of ethnicity. Two projects were undertaken in the 2000-2010's, and are associated with the names of Andreas Wimmer and Kanchan Chandra. The theoretical languages created within these projects, however, were not optimal in terms of their descriptive power. The second part of the article describes a new research program as suggested by the author, within which an alternative theoretical language is proposed, and much attention is paid to the meanings of ethnic categories as well as the social consequences of these meanings. Descriptive and analytical capabilities of the language are demonstrated from two examples taken from the empirical research of the author. The closing part of the article describes the shortcomings of the approach created, as well as the directions for further developments.

Keywords: ethnicity, constructivism, theory, Wimmer, Chandra, Brubaker, categories

References

- American Psychological Association (2020) Stereotype. Available at: <https://dictionary.apa.org/stereotype>.
- Anderson B. (1983) *Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*, London, New York: Verso.
- Banks M. (1996) *Ethnicity: Anthropological Constructions*, London: Routledge.
- Barth F. (ed.) (1969a) *Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference*, Boston: Little, Brown Series in Anthropology.
- Barth F. (1969b) Introduction. *Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference* (ed. F. Barth), Boston: Little, Brown Series in Anthropology, pp. 9–38.
- Barth F. (1969c) Pathan Identity and its Maintenance. *Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference* (ed. F. Barth), Boston: Little, Brown Series in Anthropology, pp. 117–134.
- Bourdieu P. (1991) *Language and symbolic power*, (ed. J. B. Thompson, (tr.) G. Raymond, (tr.) M. Adamson), Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.
- Brubaker R. (2002) Ethnicity without Groups. *European Journal of Sociology/Archives Européennes de Sociologie*, vol. 43, no 2, pp. 163–189.
- Brubaker R. (2004) *Ethnicity without Groups*, Cambridge, Massachusetts, and London (England): Harvard University Press.
- Brubaker R., Cooper F. (2000) Beyond “Identity”. *Theory and society*, vol. 29, no 1, pp. 1–47.
- Chandra K. (2006) What is Ethnic Identity and Does it Matter? *Annual Review of Political Science*, vol. 9, pp. 397–424.
- Chandra K. (ed.) (2012) *Constructivist Theories of Ethnic Politics*, Oxford (New York): Oxford University Press.

- Chandra K., Wilkinson S. (2008) Measuring the Effect of "Ethnicity". *Comparative Political Studies*, vol. 41, no 4–5, pp. 515–563.
- Cohen A. (1969). *Custom and Politics in Urban Africa: A study of Hausa Migrants in Yoruba Towns*, London: Routledge and Kegan Paul.
- Cosmides L., Tooby J., Kurzban R. (2003) Perceptions of Race. *Trends in Cognitive Sciences*, vol. 7, no 4, pp. 173–179.
- Drake S. C., Cayton H. R. (1945) *Black Metropolis: A study of Negro Life in a Northern City*, Chicago and London: University of Chicago Press.
- Filippov V. R. (2005) Fantom etnichnosti (moye post-konstruktivistskoye neponimaniye etnicheskoy identichnosti) [The Phantom of Ethnicity (My Post-Constructivist Non-Understanding of Ethnic Identity)]. *Dnevnik Altayskoy shkoly politicheskikh issledovaniy*. №21. *Sovremennaya Rossiya i mir: al'ternativy razvitiya (natsional'naya, regional'naya identichnost' i mezhdunarodnyye otnosheniya)* (ed. Y. G. Chernyshova), Barnaul: Izd-vo Altayskogo un-ta, pp. 167–171.
- Gellner E. (1983) *Nations and Nationalism*, Ithaca: Cornell University Press
- Gil-White F. J. (2001) Are Ethnic Groups Biological "Species" to the Human Brain? Essentialism in our Cognition of some Social Categories. *Current Anthropology*, vol. 42, no 4, pp. 515–553.
- Goffman E. (2000) *Predstavlenie sebja drugim v povsednevnoj zhizni [The Presentation of Self in Everyday Life]*, (tr. (en.) A. D. Kovaleva), Moscow: Kanon-Press-C, Kuchkovo Pole.
- Haaland G. (1969) Economic Determinants in Ethnic Processes. *Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference* (ed. Barth F.), Boston: Little, Brown Series in Anthropology, pp. 58–73.
- Hirschfeld L. A. (1996) *Race in the Making: Cognition, Culture, and the Child's Construction of Human Kinds*, Cambridge, Massachusetts, and London (England): MIT Press.
- Hobsbawm E., Ranger T. (eds.) (1983) *The Invention of Tradition*, Cambridge (United Kingdom): Cambridge University Press.
- Horowitz D. (1985) *Ethnic Groups in Conflict*, Berkeley: University of California Press.
- Jackson M. (1982). An analysis of Max Weber's theory of ethnicity. *Humboldt Journal of Social Relations*, vol. 10, no 1, pp. 4–18.
- Kurzban R., Tooby J., Cosmides L. (2001) Can Race be Erased? Coalitional Computation and Social Categorization. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, vol. 98, no 26, pp. 15387–15392.
- Lorber J., Farrell S. A. (eds.). (1991). *The social construction of gender*, Newbury Park, CA: Sage Publications.
- Mitchell J. C. (1956) *The Kalela Dance. Aspects of Social Relationships among Urban Africans in Northern Rhodesia*, Manchester: Manchester University Press.
- Nagel J. (1994) Constructing ethnicity: Creating and recreating ethnic identity and culture. *Social problems*, vol. 41, no 1, pp. 152–176.
- Pollis A. (1996) The social construction of ethnicity and nationality: The case of Cyprus. *Nationalism and Ethnic Politics*, vol. 2, no 1, pp. 67–90.
- Tishkov V. A. (n.d.) Etnichnost kak forma sotsialnoi organizatsii [Ethnicity as a form of social organization]. Available at: <http://valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/lekcii2/lekcii/etnichnost.html>.
- Van den Berghe P. L. (1987) *The ethnic phenomenon*, Westport, CT: Greenwood Press.
- Varshaver E. (2014) Tarki-Karaman: Mechanism of a Social Conflict over Land in Daghestan. *The Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*, vol. 5, no 123, pp. 133–150.
- Weber M. (2017) *Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology. Vol 2.*, (tr., ed. L. G. Ionin), Moscow: HSE Publishing House.
- Wimmer A. (2004) Does Ethnicity Matter? Everyday Group Formation in Three Swiss Immigrant Neighbourhoods. *Ethnic and Racial Studies*, vol. 27, no 1, pp. 1–36.
- Wimmer A. (2008a) Elementary Strategies of Ethnic Boundary Making. *Ethnic and Racial Studies*, vol. 31, no 6, pp. 1025–1055.
- Wimmer A. (2008b) The Making and Unmaking of Ethnic Boundaries: A Multilevel Process Theory. *American Journal of Sociology*, vol. 113, no 4, pp. 970–1022.

- Wimmer A. (2009) Herder's Heritage and the Boundary-Making Approach: Studying Ethnicity in Immigrant Societies. *Sociological Theory*, vol. 27, no 3, pp. 244–270.
- Wimmer A. (2013a) Categorization Struggles. *Ethnic Boundary Making: Institutions, Power, Networks* (ed. A. Wimmer), Oxford (New York): Oxford University Press.
- Wimmer A. (2013b) *Ethnic Boundary Making: Institutions, Power, Networks*, Oxford (New York): Oxford University Press.
- Wimmer A., Lewis K. (2010) Beyond and Below Racial Homophily: ERG Models of a Friendship Network Documented on Facebook. *American Journal of Sociology*, vol. 116, no 2, pp. 583–642.
- Wimmer A., Lewis K. (2013) Network Boundaries. *Ethnic Boundary Making: Institutions, Power, Networks* (ed. A. Wimmer), Oxford (New York): Oxford University Press.